А.К. Нанаева

ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В ЮЖНОМ РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Все, что происходит с миром ислама, имеет огромное значение для истории человечества и судеб мировой цивилизации. Бурное возвращение ислама в политику и идеологию – едва ли не основная особенность развития Центральной Азии в последнее десятилетие.

Ислам в Центральной Азии имеет долгую и богатую историю. Этот регион достиг высокого культурного и научного развития в те времена, когда большая часть Европы пребывала во мраке средневековья. Центральная Азия была также и центром религиозного плюрализма, имея значительные колонии буддистов, христиан-несторианцев, манихеев и иудеев.

В VIII в. Центральная Азия была яблоком раздора между тремя державами: Арабским Халифатом, китайской империей Тан и Тибетом.

Таласская битва (751 г.) между арабами и китайцами стала для последних окончательной неудачной попыткой вернуть политическое и культурное влияние на регион.

Ислам в Центральной Азии столкнулся с различными культурно-идеологическими системами, среди которых огромный пласт древних верований народов региона, в чьей основе поклонение природе и почитание предков, тенгрианство, зороастризм и манихейство. Так, к началу исламизации в Центральной Азии укрепились восточнохристианские неортодоксальные учения несторианство и манихейство. Наиболее крупным очагом христианства были Самарканд и Семиречье, Ферганская долина.

Исламизация населения Центральной Азии прежде всего коснулась земледельческо-оседлых районов. Узбеки, таджики, южные киргизы, оседлые туркмены приобщились к исламу на несколько веков раньше, чем кочевники – казахи и северные киргизы.

Мусульманизация же казахов и северных киргизов продолжалась вплоть до XVII–XVIII вв.

Таким образом, можно утверждать, что ислам не получил такого широкого распространения среди киргизов и казахов, как у их

остальных центральноазиатских соседей. Основными факторами данного явления стало то, что кочевники-тюрки находились на периферии мусульманской цивилизации и основные языки ислама – арабский и персидский – не получили широкого распространения в народной среде, вследствие чего ислам стал больше культурным явлением нежели социально-политическим. Так, например, обычное право играло большую роль, чем шариат.

В распространении ислама в Центральной Азии особая роль принадлежала мусульманскому мистицизму – суфизму. В условиях широкого синкретизма ислама с восточным христианством, буддизмом, индуизмом и другими религиями Востока некоторые мусульмане сумели заимствовать от христианских отшельников и восточных аскетов их искусство и обосновать его религиозную ценность на исламской основе как философию интуитивного общения с Богом – суфизм.

Однако, несмотря на эклектический характер суфизма, он сложился и известен только как течение в исламе. Его идеологи возводят свои догмы и культ или к почитаемым мусульманами мифическим древним пророкам или к пророку Мухаммеду, халифам Абу-Бекру, Али и другим именам, фигурирующим в преданиях о начальном исламе[1].

Суфийское движение началось еще в VIII в. До сих пор суфии называют себя фукара (ед. ч. факыр), или дервишами, что значит «бедняки». Первые мусульманские аскеты одевались в грубую шерстяную одежду, называвшуюся просто «суф» (букв. «шерсть»). Отсюда – их название «суфий» и название их учения «тасаввуф».

В Центральной Азии получили распространение такие суфийские ордена, как Ясавийа, Накшбандийа, Кадрийа. Эти мистические ордена играли большую роль в общественно-политической жизни Центральной Азии. Начиная со средних веков, они активно воздействовали на политические события. Братство Накшбандийа сыграло исключительную роль в деле окончательной исламизации Мавераннахра, киргизских родов и казахских племенных объединений, а также населения Восточного Туркестана.

В период колонизации Российской империей Центральной Азии управление регионом было приписано российскому военному министерству, которое назначало генерал-губернатора для управления территорией. Новые административные регионы уста-

[1] См.: *Климович Л.И.* Ислам. М., 1962. С. 157.

навливались по мере продолжения завоевания. Вначале российские власти очень доброжелательно относились к народам завоеванной территории.

С проникновением российской государственности выборность духовных руководителей сохранилась, но власти стремились поставить эту процедуру под свой контроль. После учреждения в 1788–1789 гг. в городе Уфе Оренбургского магометанского духовного собрания, а в 1831 г. в Симферополе – Таврического и в 1872 г. в Тифлисе – Закавказских (шиитского и суннитского) духовных управлений мусульман порядок назначения был регламентирован на основе светского законодательства[1].

Должность председателей и членов Духовного собрания и правления была пожизненной. Муфтии и кадии получали казенное содержание. Правительство поощряло их лояльность и не скупилось на всякие личные награды, а также льготы членам их семей.

Во время российской колонизации значительное влияние на духовную культуру кочевников Центральной Азии как с точки зрения его ознакомления с классическим исламским наследием, так и в плане его просвещения в целом оказали связи с татарами Поволжья. Именно на этих мусульман царская власть возлагала надежды как на проводников пророссийских идей в кочевой среде еще с XVIII в., даже издавая для них Коран за государственный счет.

Под влиянием татар в Центральной Азии окрепла идея панисламизма и пантюркизма и сформировалось собственное мусульманское духовенство, которое объединилось в движение джадидов.

Под влиянием антиколониальных восстаний, охвативших «зарубежный» мусульманский Восток и проходивших под исламскими религиозными лозунгами, исламская религия для российских властей стала представлять потенциальную силу, угрожающую целостности империи. С конца XIX в. упрочение позиций ислама в Средней Азии уже не отвечало задачам российской колониальной политики, опасавшейся к тому же распространения «мусульманского фанатизма» и «сепаратизма», участившихся контактов местных мусульман с Османской Турцией.

В результате любые попытки религиозной активности стали интерпретироваться как пропаганда «панисламизма». В его осно-

[1] См.: Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Вып. 2. М., 1999. С. 67–68.

ве лежала идея единства мусульман, вне зависимости от места проживания, с подчинением единому духовному правителю мусульман – османскому султану, ставшая популярной в определенных кругах мусульманских реформаторов на Востоке в начале XX в.

В рамках борьбы с панисламизмом были предприняты действия как на законодательном уровне, так и практические, призванные ограничить религиозную свободу мусульман. Например, в кратком отчете о настроении мусульманского населения в Туркестанском крае к октябрю 1914 г., написанном на имя Туркестанского генерал-губернатора, сообщается о распространении среди мусульман империи фанатического движения панисламизма, который ставит задачу, как пишет автор этого отчета, «сплочения всех сознательных мусульман для политической борьбы с ныне существующим в империи государственным строем, который является в глазах панисламистов главной препоной к национальному самоопределению магометан»[1].

С установлением советской власти связан следующий этап в эволюции ислама в Центральной Азии. В отношении к исламу советской власти можно выделить несколько периодов. Первый охватывает семь-восемь лет после установления советской власти, и для него характерен поиск компромисса с исламом как с мировоззрением и социокультурной системой, которую большевики рассчитывали использовать для закрепления своего правления. Доминирующей тенденцией второго этапа (с середины 20-х гг. и до начала Великой Отечественной войны) явилось противостояние власти и ислама, попытки подавить религию. Третий период (середина 40-х – 50-е гг.) с некоторыми оговорками можно назвать «религиозной оттепелью». Четвертый, для которого характерно новое ужесточение позиции, охватывает 60–70-е и первую половину 80-х гг. Пятый, самый краткий период – годы горбачевской перестройки; он завершился в 1991 г. вместе с распадом СССР.

В 1943 г. создается еще один орган, призванный осуществлять контроль за состоянием религиозной ситуации в Средней Азии и Казахстане. Руководство Среднеазиатского духовного управления мусульман (САДУМ) занимало доминирующее положение в мусульманской общине СССР.

---

[1] *Султангалиева А.* Эволюция ислама в Казахстане // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 5. С. 28.

Это двойственное положение САДУМ, когда оно должно было оставаться формально независимым от государства, но «подконтрольным и подотчетным» ему органом, легитимировало статус Управления (в глазах большинства верующих) лишь как часть государственной бюрократической системы.

Несмотря на гонения, «народный ислам», представляющий собой разнородный противоречивый, но внутренне устойчивый конгломерат исламских и неисламских норм, правил, обычаев, обрядов, пропитывал частную жизнь жителей Центральной Азии.

С конца 70-х и в 80-е гг. в мусульманские регионы СССР начали приникать идеи исламского радикализма. В 1970-е гг. местные исламисты Узбекистана сумели наладить связи с арабами Ближнего Востока, которые посещали эту союзную республику по линии религиозного и научно-технического обмена и создали подпольные организации, а также организовали сеть нелегальных религиозных школ в Андижане, Фергане, Намангане, Коканде, Маргелане, где готовили исламистов. Его возникновение в Узбекистане, а затем и в Таджикистане стало, в конечном счете, фактором, дестабилизирующим политическую ситуацию как на национальном, так и на региональном уровне. И уже не было сомнений в том, что речь идет о политическом исламе, так как исламисты больше решали стратегически важную задачу – приход к власти, нежели заботились об укреплении устоев ислама в обществе.

Само по себе это выглядит парадоксально, поскольку почти 70 лет Советская власть вытесняла религию из общественной жизни. Тем не менее, несмотря на длительную борьбу против ислама, в 1980–1990-х гг. в Центральной Азии произошел настоящий религиозный взрыв, названный «исламским возрождением».

Существует несколько точек зрения на природу этого явления. Со второй половины 1970-х гг. началось масштабное проникновение фундаменталистких идей в коллективную политическую практику, и насущнейшей задачей приверженцев исламской идеи стало уже не спасение мусульман от стагнации, а восстановление ислама как основы национальной идентичности.

Уничтожение институционального духовенства, последовавший вслед за этим жесткий идеологический контроль государства и борьба с религией загнали ислам в подполье, что архаизировало его. Не имея возможности уничтожить ислам, советская власть поощряла сохранение древних пластов мусульманской культуры, связанных с народной традицией. Во многом этим объясняется

и влияние суфизма, который зачастую не попадал в поле зрения государственного атеизма. Он врос в социальную жизнь и стал одним из важнейших социальных институтов и структур, пронизывающих всю жизнь общества в регионах его традиционного распространения. Непропорционально усилился народный ислам как образ жизни и способ приспособиться к атеистическому режиму, а также как противовес модернизации.

Став независимым в 1991 г., Таджикистан столкнулся, пожалуй, с большим числом проблем, чем какая-либо другая бывшая советская республика. Сложная история, острое региональное соперничество внутри страны, появление радикальных исламистских идеологий и тяжелейшее социально-экономическое положение создали основу для гражданской войны, которая вспыхнула в 1992 г. Принятый 8 декабря 1990 г. Верховным Советом Таджикской ССР Закон «О свободе совести и религиозных организаций» дал возможность духовенству в сжатые сроки реализовать свой ранее скрытый социальный потенциал.

Хотя формально гражданская война длилась до 1997 г., основные сражения закончились к февралю 1993 г., оставив от 60 до 100 тыс. убитыми; около 600 тыс. человек вынуждены были снять-ся со своих мест и искать новое пристанище в своей стране. Еще 80 тыс. бежали из страны, в основном в Афганистан. Под давлением России и Узбекистана, озабоченных тем, что нестабильность может распространиться за пределы Таджикистана, в 1994 г. начались переговоры[1]. Их итогом стало Общее Соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане, подписанное в Москве в июне 1997 г.

Религиозная ситуация в Узбекистане также вызывает немало опасений. Проявлением исламистской мобилизации в Узбекистане стало создание таких групп, которые в конечном итоге привели к созданию Исламского движения Узбекистана – основной организации, стоящей за взрывами в Ташкенте в феврале 1999 г., когда было убито и ранено более 100 человек, а также ответственной за вооруженные вторжения в Киргизию и Узбекистан в 1999 и 2000 гг., вооруженные столкновения в Андижане в 2005 г.

Практически все радикальные исламские группы Узбекистана, и особенно те их них, которые для внедрения своих идей нашли хорошую почву в Фергане, связывают надежды с историческим и

[1] Tajikistan: An Uncertain Peace // An ICG report. Brussels. 2001. 24 December. P. 3.

политическим возрождением Халифата времен первых «четырех Праведных халифов». Партия «Хизб ут-Тахрир» – несомненно, наиболее популярная в Центральной Азии из радикальных исламских организаций.

Проведенный анализ показывает, что исламское движение в южном регионе Центральной Азии принимает сложные противоречивые формы, требующие от властей глубоких знаний и принятия последовательных решений. Жесткая политика властей, сопровождающаяся многочисленными арестами членов различных религиозных организаций, зачастую носит контрпродуктивный характер. На наш взгляд, необходима последовательная стратегия властей, основанная на понимании теории и практики ислама в современных условиях. В этих целях необходимо принять ряд мер:

1. Провести мониторинг конфликтных ситуаций по аналогии с Международной группой по предотвращению кризисов (МГПК) в рамках Антитеррористических центров СНГ, ШОС, ОДКБ и оперативное информирование правительственных органов.

2. Выработать международные критерии и принципы, согласно которым будет даваться оценка деятельности религиозных организаций, программа которых содержит экстремистские лозунги.

3. Использовать имеющийся потенциал РАН. Анализ сложившейся практики и опыта Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN)[1].

4. Выявлять источники социальной напряженности в регионе и обеспечивать их ранее предупреждение. В частности, наркотрафик – как главный источник финансирования экстремизма и терроризма.

5. Устранить основные причины социальной напряженности в обществе – бедность и безработицу на пути организованной миграции, создавать новые рабочие места, разрабатывать программы борьбы с бедностью, увеличивать помощь со стороны развитых стран.

6. Контролировать миссионерскую деятельность различных религиозных групп и сект – оценки и рекомендации экспертов. Разработать списки религиозных групп, запрещенных к деятельности (на примере списка организаций, признанных Верховным Судом России террористическими).

---

[1] Проблемы национальной безопасности / Под ред. Н.П. Лаверова. М., 2008. С. 405–412.